

УДК 930(47)"19"

Т.Н. Кондратьева

БОРИС ФЁДОРОВИЧ ПОРШНЕВ – ЗАОЧНЫЙ УЧАСТНИК ДИСКУССИИ О ФОРМАЦИЯХ И СПОРОВ О ТОРГОВОМ КАПИТАЛИЗМЕ (НАЧАЛО 1930-х гг.)

Охарактеризованы воззрения молодого Б.Ф. Поршнева на актуальную для советской исторической науки конца 1920 – начала 1930-х гг. проблему общественно-экономических формаций и торгового капитализма. Показано, что историк хорошо знал концепцию «торгового капитализма» М.Н. Покровского и ее эволюцию. Он был детально осведомлен о дискуссии между историками-марксистами о формациях, инициированной С.М. Дубровским, и изложил свою точку зрения в докладах и неопубликованных текстах.

Ключевые слова: Б.Ф. Поршнев; С.М. Дубровский; марксизм; дискуссии; формации; торговый капитализм; способ производства.

В 1920-х гг. в советской исторической науке, находящейся в начале своего становления, господствовала концепция «торгового капитализма» М.Н. Покровского, который полагал, что в истории России развитие обеспечивалось торговым капиталом и классом торговых капиталистов [1. С. 77–221; 2. С. 59]. «Торговым капитализмом, – писал в середине 20-х гг. Н.Н. Розенталь, – называется такой общественный строй, при котором экономическое и политическое господство в обществе принадлежит классу торговых капиталистов» [3. С. 3].

Концепция М.Н. Покровского претендовала на нормативность и универсальность. Вскоре последователи М.Н. Покровского стали находить торговый капитализм во всех периодах человеческой истории. Тот же Н.Н. Розенталь в одном своем публичном выступлении говорил: «Мы имеем для античного общества уже все признаки торгового капитализма... Мы имеем перед собой типичную форму торгового капитала» [4. Ф. 238. Оп. 1. Д. 125. Л. 5–6]. С.А. Пионтковской, ученый секретарь Института истории РАНИОН, прилагавший силы к его ликвидации, замечал по поводу вышедшей в 1928 г. книги А.Н. Штрауха «Стрелецкий бунт 1628 г.»: «Этот несчастный слон написал книжку о роли торгового капитала в Московском государстве. Так выходит довольно стройно, все делал, все создавал торговый капитал, торговый капитал Демиург Истории, а, по-моему, это не так» [5. С. 419].

Историки-марксисты во главе с М.Н. Покровским разворачивали кампании против старой русской профессуры. Профессорам, по меткому выражению египтолога В.В. Струве, «поневоле приходилось становиться марксистами-ленинистами» [6. С. 114]. Между самими марксистами тоже не было единства. Постоянно шли дискуссии, абстрактные и схоластические, по поводу толкований положений (а часто цитат) Маркса, Энгельса и Ленина. В значительной степени в тех спорах причудливо преломлялась политическая борьба внутри верхушки ВКП(б). Вспомнили, что много раньше М.Н. Покровского о «торговом капитализме» писал А.А. Богданов. В начале 1920-х гг. он считался классиком. Ему еще никто не пенял за его философские расхождения с Лениным после Первой русской революции.

В основу своей периодизации всемирной истории А.А. Богданов положил, как было принято у последо-

вателей Маркса, развитие экономики и хозяйства, т.е. материального производства. «Эпоху с XI по XVIII век» он, в частности, характеризовал как «торгово-капиталистическую» [7. С. 201]. Экономике данного периода А.А. Богданов именовал «торговым капитализмом», т.е. «строим экономических отношений, при котором торговый капитал господствует, является его руководителем» [8. С. 58].

Концепция М.Н. Покровского нормативной, как видно из реплики С.А. Пионтковского, не стала. Стадиально «торговый капитализм» для большинства историков-марксистов «лежал между феодализмом и собственно капитализмом» [9. С. 32].

Одновременно марксистская советская наука считала, что в ходе истории происходила смена общественных форм, или формаций. На факультете общественных наук МГУ, где в 1921–1925 гг. обучался Б.Ф. Поршнев, в учебных планах был курс «История развития общественных форм» («История общественных формаций») [10. С. 90–91]. В учебнике П.И. Кушнера-Кнышева, самым тогда распространенном, рассматривалось четыре формации: «первобытная, родовая, феодальная и общество “торгового капитала”» [11. С. 29]. С середины 1920-х гг. вопрос о формациях приобрел особое значение. Ставшая с середины 1930-х гг. нормативной 5-членная схема истории еще не сложилась. Сам М.Н. Покровский нередко давал понять, что «торговый капитализм» – это отдельная формация, в которой торговому капиталу принадлежит политическая власть в форме абсолютизма, или самодержавия [1. С. 94, 234]. Вопросом о том, чем является торговый капитализм, стали задаваться ученики М.Н. Покровского [12. С. 206]. Многие из них считали его формацией. С 1928 г. М.Н. Покровский, как отмечает О.П. Володьков, корректировал свою концепцию [1. С. 230].

В 1928 г. была издана в новой редакции книга директора Института истории РАНИОН Д.М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы» (первая редакция 1907 г.), которую историки-марксисты посчитали антимарксистской и всячески осудили [13. С. 10; 14. С. 79–152]. В ходе специального обсуждения выяснилось, что до конца не определены как общественные формации «феодализм» и «капитализм». Наиболее четко проблема формаций прозвучала в выступлениях А.Д. Удальцова

и, особенно, П.И. Кушнера [14. С. 98, 105]. П.И. Кушнер сказал, что историческое развитие можно объяснить только «через общественные формации», и констатировал, что число общественных формаций марксистами «не окончательно установлено» и что о сущности некоторых формаций между ними идут споры [Там же. С. 105]. Сущность феодализма, по его мнению, «состоит в том, что мелкое производство, имеющее натуральный характер, но способное вырабатывать уже прибавочный продукт, хищнически подчинено сплоченной и необычайно сильной экономической группе, которая путем объявления своей монополией права на землю, военную силу и торговлю, заставляет мелких производителей (отчасти экономическим, отчасти внеэкономическим путем) отдавать ту или иную долю прибавочного продукта этому классу-монополисту» [Там же].

Следующий всплеск дискуссии о формациях и торговом капитализме отмечен после опубликования в 1929 г. брошюры С.М. Дубровского «К вопросу о сущности “азиатского способа производства”, феодализма, крепостничества и торгового капитала». Автор обнаружил в истории 10 укладов: хозяйство первобытного общества, патриархальное, рабовладельческое, феодальное, крепостное, хозяйство мелких производителей, капиталистическое, хозяйство переходной эпохи от капитализма к социализму, социалистическое хозяйство, хозяйство эпохи мирового коммунизма. Хотя он сам подчеркивал, что его «уклады» не следует отождествлять с формациями [15. С. 41–44], некоторые участники дискуссий (И. Минц, И. Зоркий, И. Фролов) так и поступили [9. С. 16; 16. С. 91–92, 105–106]. Другие (А. Шестаков, А. Ломакин, М. Персов) замечали, что в рамках формаций может существовать несколько укладов – старых, отмирающих, и новых, зарождающихся [16. С. 113–117, 131–132]. Особенно часто С.М. Дубровскому пеняли на то, что он развел как отдельные формации крепостничество и феодализм [17. С. 40–56]. Что касается количества формаций, то И. Фролов увидел в работах классиков марксизма их три – рабовладельческую, феодальную и капиталистическую, а А. Шестаков – четыре: «архаический коммунизм, феодализм, капитализм и социализм» [16. С. 107–109, 114]. В ходе дискуссии формацию определяли, через производственные отношения, выражаемые уровнем производительных сил, как некое развивающееся единство, «социальный организм», со своей классовой структурой и формами эксплуатации [Там же. С. 134–136].

«Эпоху торгового капитализма в ходе дискуссий отнесли теперь “к начальной фазе капиталистической формации” (А.Е. Кудрявцев) и “к эпохе перехода от феодализма к капитализму”» (Н.Н. Розенталь) [17. С. 27, 75].

В ходе дискуссии полной ясности с формациями достигнуть не удалось. Очевидно, что «пятичленная схема» еще не утвердилась, а «торговый капитализм» уже не был формацией и стал переходной эпохой.

Б.Ф. Поршнев, который неоднократно в своей научной деятельности будет возвращаться к теме формаций [18], участия в дискуссиях 1929–1930-х гг. не принимал, но определенно хорошо был с ними знаком, поскольку обучался до 1930 г. в Институте

истории Комкадемии [19. С. 167], где эти дискуссии шли особенно интенсивно [20. С. 115–116]. С января 1930 по июль 1932 г. историк работал в Ростове-на-Дону, где преподавал в должности доцента кафедры всеобщей истории в Северо-Кавказском комвузе, Северо-Кавказском педагогическом институте и на открытом в 1930 г. в Ростове подготовительном отделении Института красной профессуры, руководил аспирантским семинаром в Горском научно-исследовательском институте, проводил исследования в Северо-Кавказском краевом научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма и принимал участие в деятельности Северо-Кавказского общества историков-марксистов [4. Л. 3; 8; 19; 21. Л. 4 об., 22. Оп. 40. Д. 457. Л. 8, 14 об.]. В 1934 г. Б.Ф. Поршнев о своей преподавательской деятельности сообщал: «Педагогическая работа (1929–1933): ряд курсов и аспирантских семинаров по всеобщей истории в нескольких вузах и комвузах гг. Ростова н/Д и Москвы. Специальные и аспирантские семинары по истории Европы до эпохи промышленного капитализма и по истории докапиталистических формаций в С[еверо]-К[авказском] Краевом н[аучно]-исследовательском институте и С[еверо]-К[авказском] комвузе» [22. Оп. 52. Д. 13. Л. 10], «причем изучению общества первобытного, – поясняет он в другом месте, – уделял особое внимание (наряду с феодальным)» [4. Л. 2]. Там же им была подготовлена, но так и не издана обширная рукопись (объемом в 12 печ. л.) «Развитие и экономическая природа торгового капитала в XVI–XVIII вв.» (отдельные разделы были «доложены в Северо-Кавказском обществе историков-марксистов» и прочитан доклад «Проблема общественно-экономических формаций в работах Ленина и Плеханова») [23. С. 78].

Возвратившись летом 1932 г. в Москву, историк предпринял попытку поступить в аспирантуру в Академию наук, которая располагалась тогда в Ленинграде, по специальности «этнография». В письме в Академию он среди прочего писал, что в Ростове вел занятия и имеет хорошую подготовку в области «истории докапиталистических формаций» [4. Л. 2]. Экзаменаторами Б.Ф. Поршнева при поступлении в аспирантуру, которое происходило 7 октября 1932 г., были известные этнографы Е.Г. Кагаров и Н.М. Маторин. Они «сочли возможным зачислить в аспирантуру» соискателя, поскольку он, сказано в протоколе, «имеет очень основательную подготовку по истории докапиталистических формаций, необходимую при изучении этнографии народов СССР», хотя отметили «пробелы в знании этнографии народов Кавказа и нового учения о языке (Яфетическая теория)» Н.Я. Марра [Там же. Л. 4–4 об.].

Итак, ясно, что по меркам тех дней Б.Ф. Поршнев действительно хорошо разбирался в вопросе. В Ростове он, как кажется, сконцентрировался именно на этой и близкой к ней проблематике, собираясь превратить ее в научную работу. Сохранились рукописные черновики прочитанных там докладов «Необходимый и прибавочный продукт в феодальном (крепостном) хозяйстве», «Противоречия доклассового общества», «Ренты и прибыль» [24. Д. 4. Л. 100–103, 105–112]. Последняя рукопись содержит следующее

замечание: «Настоящий доклад принадлежит, как элемент, к плану моего дальнейшего исследования “Революция цен XVI–XVII вв.”. Эта работа начата мною в 1930 г. и будет закончена мною года через три» [Там же. Л. 107].

Машинописный текст о торговом капитализме сохранился в двух редакциях. Он хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Прежде всего, это законченный на 131 листе машинописный текст, титульный лист которого содержит фамилию автора «Б. Поршнев» и заголовок «К проблеме торгового капитала». Он разбит на незаглавленные разделы, не имеет никакой авторской правки, за исключением редких (в одно-два слова) комментариев, содержит немногочисленные сноски исключительно на классиков марксизма, что свидетельствует о завершенности работы [Там же. Д. 5].

Другая редакция (153 л.) не имеет заголовка, но зато в ней сохранились, кроме первой главы, названия глав. Их шесть, все они посвящены «торговому капиталу», «капитализму», «торговле», «эксплуатации». Текст является перекомпоновкой редакции «К проблеме торгового капитализма», в ходе которой его резали ножницами, склеивали, делали дополнительные машинописные и рукописные вставки. Отдельно папка содержит большое число исписанных с двух сторон тетрадных листов, которые являются фрагментами вышеупомянутых рукописей [Там же. Д. 4]. Вероятно, эта редакция является более ранним вариантом «К проблеме торгового капитализма» либо его поздней переработкой. Очевидно, что оба текста были созданы Б.Ф. Поршневым в 1931 г. в Ростове-на-Дону, после дискуссии по книге С.М. Дубовского, ибо в текстах содержится упоминание о ней [Там же. Д. 4. Л. 121; Д. 5. Л. 1]. В работе есть отсылка к статье Г. Дементьева «Всеобщая политическая экономия», опубликованной во втором номере журнала «Проблемы марксизма» за 1931 г. [Там же. Д. 4. Л. 120]. Свой текст Б.Ф. Поршнев называет «исследованием», и он любопытен тем, что автор пытался изложить в нем не только нормативное на тот момент времени знание, но и свое понимание сформулированной марксистами проблемы [Там же. Д. 5. Л. 12].

Отличительной особенностью текстов, как было принято тогда повсеместно, является их предельная абстрактность, наличие цитат из классиков марксизма и почти полное отсутствие исторических примеров. Б.Ф. Поршнев вообще полагает, что отдельные факты, которые «привлекают к себе преимущественное внимание не только буржуазных, но наших историков хозяйства и торгового капитала», ничего не дают. «Они приобретают смысл только взятые в целом <...> как тенденция» [Там же. Л. 26]. Но в результате в тексты Б.Ф. Поршнева вообще не попало никаких фактов. Перед нами типичный для того времени образец социологии при полном отсутствии эмпирической базы.

Тексты о торговом капитализме и рукописные фрагменты, сопровождающие его, интересны еще и тем, что в переработанном и изрядно измененном виде, судя по структуре, они войдут в книгу, которую Б.Ф. Поршнев издаст в середине 1964 г. [25]. Иначе

говоря, они дают возможность увидеть истоки исследовательского замысла и проследить его эволюцию.

Б.Ф. Поршнев сразу же констатирует, что после споров о «книжке Дубовского» всем ясно, что «торговый капитализм не представляет общественно-экономической формации, т.е. ему не свойствен никакой определенный способ производства» [24. Д. 5. Л. 1]. Что же такое формация, по Б.Ф. Поршневу начала 1930-х гг.? Следует отметить, что молодой историк начинает свои рассуждения не от классиков марксизма, как это было свойственно участникам дискуссии, а от Гегеля и от этимологии слова. Гегель отметил, пишет Б.Ф. Поршнев, что любое понятие может одновременно обозначать два противоположных смысла. «Мы, например, с равным правом говорим: “это человек такой-то духовной формации” и “духовная формация этого человека еще не закончилась”. То есть слово “формация” означает и строй, сформированность, как законченный процесс, и процесс незаконченный, длящийся, процесс формирования» [Там же. Д. 4. Л. 121; Д. 5. Л. 3].

Б.Ф. Поршнев подчеркивает, что формацию надо понимать как развитие – «каждая формация является лишь звеном всего необратимого ряда исторического развития». При этом он просит не путать «развитие» с изменчивостью, которая «есть простая смена качеств», и эволюцией, как линейным «процессом накопления качеств», который может быть назван еще «генезисом». Развитие – это превращение противоположностей. Развивающиеся формации отрицают одна другую – «рабовладельческая латифундия отрицается оброком, оброк отрицается барщиной». Поэтому к формациям «совершенно неприменимы формальные определения, претендующие на однозначность и постоянную тождественность с собой» [Там же. Д. 4. Л. 121; Д. 5. Л. 4, 6, 7]. Всего у Маркса Б.Ф. Поршнев находит пять формаций [Там же. Д. 4. Л. 124]. При феодализме, подчеркивает он, сохраняются «пережитки рабства» и появляются «эмбрионы буржуазной частной собственности», поэтому «основное же содержание формации не поддается никакому константному и пригодному на все случаи определению», между двумя «крайними формами» пролегает большое число «переходных ступеней» [Там же. Д. 5. Л. 6]. Диалектика такова, что борющиеся и отрицающие друг друга противоположности могут войти составными частями в новую формацию, утратив былую природу. Так, римское право, утратившее античную сущность, стало важной составной чертой капиталистической формации [Там же. Л. 7]. Б.Ф. Поршнев повсеместно настаивает при этом, что под развитием не следует понимать количественные изменения, например рост товаров, производимых на рынок. Следует видеть качественные сдвиги [Там же].

При характеристике «торгового капитализма» Б.Ф. Поршнев, что естественно, часто обращается к 20-й главе III тома «Капитала» Маркса «Из истории купеческого капитала» [26. С. 355–370]. Поршнев полагает, что этот термин можно использовать (по аналогии с «эпохой крестовых походов»), если не отождествлять его ни с формацией, ни со способом производства. Затруднения возникают при определе-

нии хронологических границ явления [24. Там же. Д. 5. Л. 13]. Такой торговый капитал, занятый обменом и получением прибыли, можно найти на разных промежутках истории. Сам он упоминает и «торговую общину» Омеядов, и «финикийских купцов и ганзейцев» [Там же. Л. 14, 22]. Историк предпочитает «ограничить пока эпоху торгового капитала <...> эпохой непосредственной связи торгового капитала с промышленным», когда происходит, по его словам, «вытеснение торгового капитала как самостоятельного экономического явления», которая «таит в себе тенденцию» его «скорого конца» [Там же. Л. 13, 15]. На разных ступенях истории можно найти национальные и международные рынки, но эти рынки прошлого, не позволительно, подчеркивает он, механически отождествлять с капиталистическим «мировым» рынком, который становится таковым только в XX в. «Только в эпоху империализма капиталист любой части света получает (да и то еще не полную) возможность непосредственно и целиком ориентировать свое производство и свою экономическую политику на данные мировых бирж, ежечасно передаваемые телеграфом и радио во все уголки земного шара. Только в условиях новейшего расцвета транспортной техники класс капиталистов становится до конца мировым, поскольку может перебрасывать свои товары из любого географического пункта в любой другой с такой же легкостью, с какой средневековый ремесленник выносил свой товар на городской рынок, а рабочий класс становится мировым, поскольку это обстоятельство обеспечивает ему возможность свободной миграции» [Там же. Д. 4. Л. 15; Д. 5. Л. 15–17].

Зародившись, капиталистическое производство, подчеркивает Б.Ф. Поршнев, сразу демонстрирует тенденцию «превратиться в мировое капиталистическое хозяйство» [Там же. Д. 4. Л. 21; Д. 5. Л. 20]. Капитализм же является «единым целым», которое объединяет «три концентрира – “единичное хозяйство”, “народное хозяйство” и “мировое хозяйство” <...> Они находятся между собой и в противоречии, но и в неразрывной связи» [Там же. Д. 5. Л. 24].

Торговый капитал, по Б.Ф. Поршневу, это «непрерывная борьба за различные варианты экономической географии», т.е. за новые места сбыта товаров. Оставив в стороне всю торговлю, предшествующую Великим географическим открытиям, Б.Ф. Поршнев «оставшуюся историю торгового капитала <...> до окончательной победы промышленного капитализма» делит на три части, или «стадии», которые «хронологически сменяли друг друга»: «(1) Американская и африканская торговля (“трансатлантический путь”); военно-грабительские предприятия конкистадоров и купцов-авантюристов». «(2) Окружной океанский восточный путь; военно-торговые предприятия с колониальными методами невероятно дешевого выманивания и скупки товаров <...> – слоновой кости, редких тканей, растений и животных, главным же образом пряностей, чая, кофе, какао». «(3) Северовосточный европейский путь, первоначально речной и морской, а затем и сухопутный, начинающийся с Балтийского моря и Ледовитого океана, позднее же захватывающий даже придунайские страны и Балкан-

ский полуостров; чисто денежная двусторонняя торговля, устойчивое купеческое предприятие с исчезающими остатками военно-охранительной организации; вывоз предметов широкого потребления, строительных материалов и пр[очих]. продуктов сельского и лесного хозяйства; возрождение и интенсификация феодальных отношений на основе денежного хозяйства в форме крепостничества, возникновение «второго издания феодализма» в ряде прибалтийских и балканских стран» [24. Д. 4. Л. 36; Д. 5. Л. 27–28].

Эти стадии являются в определенной мере отрицанием друг друга. На каждой стадии становится все больше стран, вступивших на путь капитализма. На второй стадии многие территории Востока становятся колониями. Страны, находящиеся на разных стадиях, могут быть расположены в виде «лестницы» [Там же. Д. 4. Л. 38; Д. 5. Л. 29].

Страны, оказавшиеся в орбите действия торгового капитализма, находятся также на разных стадиях феодализма, который в них, пишет историк, «поддается грубому количественному измерению». «Под феодализмом здесь следует понимать наибольшую устойчивость в отношении “разлагающего” действия торгового капитала, т.е. общество, имеющее 1) наибольшую внешнеполитическую сопротивляемость торговому капиталу и 2) наибольшую экономическую приспособляемость к нему». Последняя декларация служит для Б.Ф. Поршнева доказательством того, что капитализм, «как тенденция», присутствует уже при феодализме. Феодализм «перерабатывает в своем развитии свойственное докапиталистической истории содержание хозяйственной деятельности в совершенно новое и противоположное, пригодное для образования капиталистического способа производства». Торговый капитализм при этом «разлагает» «неевропейский» феодализм, подготавливая наступление промышленного капитализма [Там же. Д. 4. Л. 40; Д. 5. Л. 30–31]. Мысль о том, что торговый капитализм глобально разлагает дофеодальные и феодальные общества и культуры по всему миру, Б.Ф. Поршнев повторяет многократно.

«Торговый капитал» он понимает двояко: «Вопервых <...>, наш торговый капитал есть ни что иное, как лишь способ выражения международного неравенства, т.е. что его законом является закон сочетания разнородных социально-экономических форм <...> Во-вторых, торговый капитал выполняет и функцию связи <...>, поскольку на арене поляризованных стран действуют от его имени обособившиеся агенты, имеющие своей специальностью осуществление именно связи как таковой, через движение товаров. То есть под торговым капиталом во втором смысле подразумевается попросту функционирование купеческого капитала, или шире – весь круг явлений международной торговли» [Там же. Д. 4. Л. 47–48; Д. 5. Л. 38].

«Торговый капитал, – поясняет он ниже, – это определенное общественное отношение, причем общественное отношение не индивидов, а как раз обществ, к тому же стоящих на разных ступенях исторического развития и, следовательно, вкладывающих в меновую акт совершенно различное содержание» [24. Ф. 684. К. 19. Д. 4. Л. 60].

Изначально в докапиталистическую эпоху вся торговля носит неэквивалентный (грабительский) характер. «Так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев», – цитирует он Маркса. Цель такой неэквивалентной торговли-грабежа, как «грабеж испанцами и португальцами каких-нибудь инков и ацтеков», – получение «всеобщего эквивалента», т.е. золота. «Неэквивалентный обмен для получения эквивалента, – вот содержание всей “эпохи торгового капитала”, ее внутреннее экономическое противоречие, и в нем по существу уже содержится закономерность указанных стадий развития торговли, т.е. основание всей эволюции от грабежа к торговле», пишет автор [Там же. Д. 4. Л. 42; Д. 5. Л. 31].

В ходе эволюции торговли и обмена стихийно устанавливается равновесие на товарном рынке – меновая стоимость. Торговый капитал решает задачу формирования «всеобщего характера стоимости». Рост торговли, потребность в товарах стимулируют развитие производства. Рост продаж и увеличение денежного обращения, подчеркивает Б.Ф. Поршнев, разлагает старые феодальные отношения. С появлением меновой стоимости появляется эквивалент, что приводит к «концу торгового капитализма». Капитал начинает терять интерес к торговле – она не дает ему «искомую прибыль» – и всецело отдается производству «космополитическому, или надгеографическому». Чем больше капиталистического производства, тем меньше торгового капитала. «Возможность и необходимость превращения в свою противоположность заложена уже в самых первых шагах «эпохи торгового капитала», – пишет историк. А «проблема перехода от феодализма к капитализму решается <...> только в *мировом* масштабе, только как движение «человечества», но не «общества», в смысле *отдельного* общества» [Там же. Д. 4. Л. 45–47; Д. 5. Л. 34–37].

Диалектика состоит в том, что торговый капитал одновременно и подрывает производительные силы докапиталистических обществ («мы знаем, что история торгового капитала приводит и полному исчезновению и гибели миллионов производителей, к истощению и распаду прочнейших хозяйственных систем, к гигантскому разрушению производительных сил») и развивает производительные силы внутри феодализма [Там же. Д. 4. Л. 50–51; Д. 5. Л. 38–40].

Генезис капитализма Б.Ф. Поршнев передает следующим образом. Торговый капитал – более древняя форма. Промышленный капитал не вырастает из него непосредственно. «Промышленный капитал возникает в качестве отрицания торгового, а значит, и той почвы, из которой возникает последний, т.е. международного (в указанном выше смысле) обращения». Отрицание усматривается еще и в том, что промышленный капитализм возникает как национальный и создающий первоначально национальный рынок. Он

локализован в рамках стран. Это позднее, вступая в стадию империализма, он станет международным промышленным капиталом. Промышленный капитал рождается в борьбе, т.е. революции, когда для этого достаточно развиты производительные силы. Но «капитализм не механически отбрасывает предшествующую историю, а перерабатывает и, следовательно, несет ее в себе». На место эпохи промышленного капитала приходит эпоха финансового капитала [24. Д. 4. Л. 65–77].

Тексты Б.Ф. Поршнева показывают, что его очень живо интересовала обсуждаемая проблематика. Ему приходилось в Ростове, по долгу преподавателя, выступать с докладами о докапиталистических формациях и торговом капитализме. На их основе он пишет обширный, никак не меньше по объему, чем книжка С.М. Дубровского, доклад. Книга С.М. Дубровского, не будем забывать, тоже первоначально была докладом. Не исключено, что молодой и амбициозный Б.Ф. Поршнев помышлял о том, чтобы прорваться в круг признанных историков собственным оригинальным докладом или публикацией. Тот же С.М. Дубровский был старше его всего на 5 лет, а И.И. Минц – на 9. В Ростове, думается, он свой доклад зачитывал, где в это время тоже шла борьба со старой профессурой, но преимущественно с естественнонаучной. Вероятно, правильность или неправильность построений Б.Ф. Поршнева в Ростове просто некому было оценить. В Москве его тексты, которые он, возможно, и так и не решился туда посылать, никто не видел. В 1932 г., когда он вернулся в столицу, «торговый капитализм» был уже основательно дискредитирован и вытеснен из научной и идеологической повестки. В 1934 г. Б.Ф. Поршнев в одной из своих рецензий уже предупреждает от «ошибки» и «соблазна переоценить роль торгового обращения и торгового капитала» [27. С. 38].

В своих текстах Б.Ф. Поршнев не создал законченной концепции. Он нигде не дает четкого определения формации, ссылаясь на то, что константная дефиниция должна считаться механицизмом. Историк предпочитает говорить о развитии и изменчивости формаций, каждая из которых несет в себе отрицаемые элементы старой формации и нарождающиеся структуры новой. Торговый капитализм, по его мнению, не может быть формацией. Он предшествует капитализму, но не является им. Иначе говоря, Б.Ф. Поршнев не считал «торговый капитализм» начальной фазой капитализма, хотя и не говорил об этом прямо. Ибо торговый капитализм занят непродуктивной деятельностью и мировым обменом, который одновременно и обман, и грабеж. Капитализм же подразумевает продуктивную, производственную деятельность в рамках национального государства, которая со временем приобретает транснациональный, империалистический характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володьков О.П. Концепция торгового капитализма М.Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932). Омск, 2011. 568 с.
2. Кочешков Г.Н. Методологические воззрения М.Н. Покровского // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. Т. I (Гуманитарные науки). С. 57–61.
3. Розенталь Н.Н. История Европы в эпоху торгового капитализма. Л., 1927. 224 с.
4. Архив Российской Академии наук. Санкт-Петербургский филиал. Ф 222. Оп. 002. Д. 290.

5. Дневник историка С.А. Пионтковского (1927–1934) / отв. ред. А.Л. Литвин. Казань, 2009. 516 с.
6. Горфункель А.Х. Моя школа, мои университеты... // Судьбы, учителя, Италия. Мемуары историков. М., 2009. С. 111–288.
7. Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 2: Эпоха торгового капитализма. М.: Гос. изд-во, 1920. 218 с.
8. Богданов А. Начальный курс политической экономии. Введение в политическую экономию. М.; П.: Гос. изд-во, 1923. 10-е изд. 146 с.
9. Минц И. Доклад // Против механистических тенденций в исторической науке. М.; Л., 1930. С. 5–37.
10. Кондратьева Т.Н. Подготовка студентов на Общественно-педагогическом отделении Факультета общественных наук МГУ (1921–1925) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 6. С. 89–94.
11. Алымов С.С., Арзютов Д.В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/
12. Дубровский А.М. Историк и власть. Брянск, 2005. 800 с.
13. Покровский М.Н. «Новые течения в русской исторической литературе» // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 3–17.
14. Диспут о книге Д.М. Петрушевского // Историк-марксист. 1928. № 8. С. 79–152.
15. Дубровский С.С. Содоклад // Против механистических тенденций в исторической науке. М.; Л., 1930. С. 38–72.
16. Прения // Против механистических тенденций в исторической науке. М.; Л., 1930. С. 239.
17. Спорные вопросы методологии истории (дискуссия об общественных формациях) / под ред. Г. Зайделя, З. Лозинского, А. Пригожина, С. Томсинского. Л., 1930. 239 с.
18. Поршнев Б.Ф. Роль социальных революций в смене формаций // Проблемы социально-экономических формаций: историко-типологические исследования. М., 1975. С. 29–35.
19. Кондратьева Т.Н. Борис Федорович Поршнев: начало большого пути // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2016. № 1. С. 156–171.
20. Никуленкова Е.В. Историческое отделение Института красной профессуры в 1920-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 108–123.
21. Архив Российской Академии наук. Ф. 1574. Оп. 4.
22. Архив Российской государственной библиотеки.
23. Самарин А.Ю. Б.Ф. Поршнев: научный консультант Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина // Библиотекосведение. 2014. № 2. С. 77–85.
24. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 684. К. 19.
25. Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.
26. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М., 1955. Т. III. 1078 с.
27. Поршнев Б.Ф. Важный участок исторической науки // Книга и пролетарская революция. 1934. № 6. С. 32–38.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 сентября 2017 г.

BORIS PORSHNEV, AN ABSENTEE PARTICIPANT IN THE DISCUSSION ON FORMATIONS AND CONTROVERSIES ABOUT MERCHANT CAPITALISM (EARLY 1930S)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 123–129.

DOI: 10.17223/15617793/426/15

Tamara N. Kondratieva, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: ktamara1960@yandex.ru

Keywords: Boris Porshnev; Sergey Dubrivsky; Marxism; discussions; formation; merchant capitalism; mode of production.

The aim of this article is to characterize the views of young Boris Porshnev on the problem of socio-economic formations and merchant capitalism topical for the Soviet historical science of the late 1920s and early 1930s. The research is based on the two editions of his typewritten report “On the Problem of Merchant Capital” that have significant variations and are first introduced in the scientific use and on the published materials on the discussions on the formations of 1928–1930. The author perceives the studied texts, their language and speech constructions as a derivative from the declared and dictated orientations. It is noted that the normativity immanent to the Soviet historiography was at the stage of formation, and the pantheon of unconditional authorities had not yet taken shape. This circumstance generated discussion, could lead to the marginalization of authorities, and simultaneously generate hopes for rapid academic and administrative ennobling. It also predetermined the rapid evolution of the views of historians, and often a complete rejection of the former declared beliefs. Porshnev’s texts are interesting for their non-public reaction to the contemporary academic problems. They are explored in the context of existing discussions and clarify the author’s position, identify his motives and show the evolution of his views. Porshnev was well acquainted with the discussed problems. However, he never gives a clear definition of the formation, referring to the fact that a constant definition should be considered as a mechanicalism. The historian prefers to talk about the development and inconstancy of formations, each of which has the negated elements of the old formation and the emerging structures of the new formation. In his opinion, merchant capitalism could not be a formation. Merchant capitalism precedes capitalism, but it is not capitalism. In other words, Porshnev did not consider “merchant capitalism” as the initial phase of capitalism, although he did not state this definitely, because merchant capitalism is engaged in unproductive activities and world exchange, which is both deception and robbery. Capitalism, on the other hand, implies productive, industrial activities within the framework of a nation state, which in time acquires a transnational, imperialistic character.

REFERENCES

1. Volod’kov, O.P. (2011) *Kontseptsiya torgovogo kapitalizma M.N. Pokrovskogo v sovetskoy istoricheskoy nauke (1918–1932)* [The concept of commercial capitalism by M.N. Pokrovsky in Soviet historical science (1918–1932)]. Omsk: Omsk State University.
2. Kocheshkov, G.N. (2014) *Metodologicheskie vozzreniya M.N. Pokrovskogo* [Methodological views of M.N. Pokrovsky]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1:1. pp. 57–61.
3. Rozental’, N.N. (1927) *Istoriya Evropy v epokhu torgovogo kapitalizma* [History of Europe in the era of commercial capitalism]. Leningrad: Priboy.
4. Archive of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg branch. Fund 222. List 002. File 290.
5. Litvin, A.L. (ed.) (2009) *Dnevnik istorika S.A. Piontkovskogo (1927–1934)* [Diary of the historian S.A. Piontkovsky (1927–1934)]. Kazan: Kazan State University.
6. Gorfunkel’, A.Kh. (2009) *Moya shkola, moi universitety...* [My school, my universities...]. In: Svanidze, A.A. (ed.) *Sud’by, uchitelya, Italiya. Mемуары istorikov* [Fates, teachers, Italy. Memoirs of historians]. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.
7. Bogdanov, A. & Stepanov, I. (1920) *Kurs politicheskoy ekonomii* [The course of political economy]. Vol. 2. Moscow: Gos. izd-vo.

8. Bogdanov, A. (1923) *Nachal'nyy kurs politicheskoy ekonomii. Vvedenie v politicheskuyu ekonomiyu* [The beginner course of political economy. Introduction to political economy]. 10th ed. Moscow; Petrograd: Gos. izd-vo.
9. Mints, I. (1930) Doklad [A report]. In: Mints, I. et al. *Protiv mekhanisticheskikh tendentsiy v istoricheskoy nauke* [Against mechanistic tendencies in historical science]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
10. Kondrat'eva, T.N. (2014) Teaching Students at the Social-Pedagogical Department of the Social Science Faculty of the Moscow State University (1921–1925). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6. pp. 89–94. (In Russian).
11. Alymov, S.S. & Arzyutov, D.V. (2014) *Marksistskaya etnografiya za sem' dney: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada i diskussii v sovetsskikh sotsial'nykh naukakh v 1920–1930-e gody* [Marxist ethnography in seven days: a meeting of ethnographers from Moscow and Leningrad and discussions in Soviet social sciences in the 1920s–1930s]. [Online] Available from: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-266-1/.
12. Dubrovskiy, A.M. (2005) *Istoriya i vlast'* [A historian and power]. Bryansk: Bryansk State University.
13. Pokrovskiy, M.N. (1928) Novye techeniya v russkoy istoricheskoy literature [New trends in Russian historical literature]. *Istoriya-marksist*. 7. pp. 3–17.
14. Istoriya-marksist. (1928) Disput o knige D.M. Petrushevskogo [Dispute about the book of D.M. Petrushevsky]. *Istoriya-marksist*. 8. pp. 79–152.
15. Dubrovskiy, S. (1930) Sodoblad [Co-report]. In: Mints, I. et al. *Protiv mekhanisticheskikh tendentsiy v istoricheskoy nauke* [Against mechanistic tendencies in historical science]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
16. Mints, I. et al. (1930) Preniya [Debate]. In: Mints, I. et al. *Protiv mekhanisticheskikh tendentsiy v istoricheskoy nauke* [Against mechanistic tendencies in historical science]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
17. Zaydel', G., Lozinskiy, Z., Prigozhin, A. & Tomsinskiy, S. (eds) (1930) *Spornye voprosy metodologii istorii (diskussiya ob obshchestvennykh formatsiyakh)* [Controversial issues of the methodology of history (discussion about social formations)]. Leningrad: Proletariy.
18. Porshnev, B.F. (1975) Rol' sotsial'nykh revolyutsiy v smene formatsiy [The role of social revolutions in the change of formations]. In: Zhukov, M. (ed.) *Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh formatsiy: istoriko-tipologicheskie issledovaniya* [Problems of socio-economic formations: historical and typological studies]. Moscow: Nauka.
19. Kondrat'eva, T.N. (2016) Boris Fedorovich Porshnev: the beginning of great path. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University" Series: "History and Philology"*. 1. pp. 156–171. (In Russian).
20. Nikulenkova, E.V. (2014) The History Department of the Institute of Red Professors in the 1920s. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1. pp. 108–123. (In Russian).
21. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 1574. List 4. (In Russian).
22. Archive of the Russian State Library. (In Russian).
23. Samarin, A.Yu. (2014) B.F. Porshnev - the Scientific Consultant of the All-Union Library named after V.I. Lenin. *Bibliotekovedenie – Library and Information Science*. 2. pp. 77–85. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.25281/0869-608X-2014-0-2-82-93>
24. Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 684. Box 19. (In Russian).
25. Porshnev, B.F. (1964) *Feodalizm i narodnye massy* [Feudalism and the masses]. Moscow: Nauka.
26. Marx, K. (1955) *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital. Criticism of political economy]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
27. Porshnev, B.F. (1934) Vazhnyy uchastok istoricheskoy nauki [An important section of historical science]. *Kniga i proletarskaya revolyutsiya*. 6. pp. 32–38.

Received: 14 September 2017